

Александр Беляев

Плащаница

Мистические поэмы

Александр Беляев

Плащаница. Мистические поэмы

«Издательские решения»

Беляев А.

Плащаница. Мистические поэмы / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836153-1

Сборник мистических поэм Александра Беляева «Плащаница» содержит в себе произведения, написанные в разные годы, и хронологически отражает духовные искания автора на разных этапах его жизни.

ISBN 978-5-44-836153-1

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

Ведомые	6
Шрастры	10
Зов	16
Предчувствие	16
Земля укрывающая	20
Вода к свету несущая	24
Зуньядар	35
Вступление	35
Полет	44
Ее память	50
Ее сон	54
Эпилог	60
Иола	62
Вступление	62
Видение казни Христа	66
1	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Плещаница
Мистические поэмы
Александр Бе́ляев

© Александр Бе́ляев, 2017

ISBN 978-5-4483-6153-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ведомые (Посвящается Е. и Н. Рерихам)

Двух лебедей возвышенная стать,
Двух путников связующая нить.
В его природе – говорить и знать,
В ее природе – чувствовать и быть.

От вещей снов – до гималайских троп,
От Лао Цзы – до Эмерсона строк:
Ему понятно все, что зримо ей,
Влекомой в даль вселенских кораблей.

И создавались вещи холсты,
И строились воздушные мосты,
И в странствиях мужали сыновья,
И мир сиюминутностью сиял.

В тысячелетях затерялись дни,
В эпохе годы – словно белый шум,
Но молод Инд и свеж священный Нил,
Казнит тиран – и вечно весел шут.

Что две песчинки в скопище песка?
Два вдоха – в беспредельном сонме душ?
О чем-то незаметный пересказ
Кому-то в непридуманном саду?

Но не согласен с логикою цифр
Дух, облеченный в мимолетность форм,
Одевший вечность, пестроту и цикл
В замысловато вьющийся узор.

В поток сантаны, в мир мгновенных дхарм,
Стирая грани, множа имена,
Где бытие – не склад застывших карт,
А вечно обновленная волна.

Так в оный век, родившись на Руси,
Став гражданами мира и любви
Земле явились с вестью светлых сил,
Диадой совершенных половин.

.....
Как забывают нежное «давно»,
Как затихают, празднуя момент,
Как пьют познания терпкое вино,

Как льют из боли Веры монумент,

Разнообразно, каждый миг в ином
Наряде чувств от нового штриха,
Подобьем струн, трепещущим звеном
Меж полюсами блага и греха

Они чего-то ждали. Моря зыбь
Перемещалась в световую грань
Слиянья с небом. Их немой призыв
Менял тона, в неведомом играл.

В разноголосье сект, религий, школ
Вновь проступал, как кровь, один вопрос,
Из детства прозвучал, но не нашел
Разгадки ум в уколах тубероз:

«Что есть реальность, Истина и Бог?»
И был ответ – и не было его...
Пульсировал в веках священный слог
Меж полуправдой рек и берегов.

Вдруг крылья разноцветных парусов
Возникли над притихшей синевой:
Семь кораблей, семь безмятежных снов
Скользили по летейской глади вод.

«Сатори, Я есть Истина и Бог» —
Ронял мужчина мантр семена.
Движенья фантастический итог
Не ведал он, но видела она.

Казалось: зрим трехмерности предел.
Накручивая лет, событий суть
Диск пустоты в бесплотный мир идей
Материи трепещущую ртуть

Переносил так, словно воду пил
Огромный – и насытиться не мог,
Живую сущность обращая в спил
Ее значенья, в мысль застывших строк.

В нем в прошлом спит текущего росток —
И тут же зрим грядущего виток.
Двумерные, вне формы имена
Не видел он – но видела она.

И миг дышал в прикосновенье сфер,
Переживая зыбкое «теперь»,

За ним – необъяснима пелена.
Он знал об этом – видела она.

Уж парусов нетающая взвесь
Переливалась в вечное «не здесь» —
Лишь сердца отклик, небо да волна...
Он знал об этом – видела она.

.....
Он не был зрячим в царствии слепых,
Лишь угадал сцепление звена...
Одев песок в серебряную пыль,
Ждала какой-то ясности Луна.

Художник брал палитру, кисти, холст,
Поэт преображал пейзаж в слова,
О, не клише – к сознанию хрупкий мост
Ваял творец, себя переливал

В границы формы видимых вещей,
В них отражая изначальный свет;
Не отражал – но обращал существ
Из листьев перевернутых ветвей

Космического древа – в корни, в суть
Его природы, в сокровенный лик,
Мелькнув тропинкой в сумрачном лесу,
Разгадкой тайн неведомой земли.

Он ощущал, что Бог лишь отражен
В его мазках и строках, в днях и снах,
Чурленисовским вогнутым ужом
Над ним висел (он это твердо знал).

Был Кришной, Шивой, Мория, Христом —
И в то же время ни в одном из них:
Незримый царь на красочный престол
Взошел – и все доступно объяснил —

Но лишь венец искал в привычном глаз,
Лишь прописей в звучанье жаждал слух:
Каких-то возносящих душу фраз.
Цветов добру и наказанья злу...

Корону солнца, скрытого луной —
Вот все, что разум мог запечатлеть
На многотрудном поприще земном,
Блик Истины впустив в золотую клеть.

То мог художник – ей же, зрящей вглубь

Одно лишь было – видеть и молчать:
Живя в краю, где каждый слеп и глух
Нелепо петь о солнечных лучах.

И только право – ведать и вести
Того, кто все начал прозревать,
Кто первый слог Извечного постиг
Обозначало новый перевал.

.....
Диск исчезал. Метался чаек стон:
«Найди свое прибежище в простом,
Ешь, наслаждайся – всем один финал!»

.....
Он тихо слушал. Плакала она.

1984 г.

Шрастры

Дорожка жидкого металла
Над бездной полуночных вод
Слегка смягчала жуть провала
В безумно вопиющий рот.

Был воздух густ, и мыслезвуки,
Роясь в звенящей светотьме,
Сплетали нити, иглы, руки
В клубки кольшущихся змей.

Их уловимое значенье
Мгновенно гасло на черте
Астральной музыки кочевья,
Дробясь на множество частей.

И было муторно и гулко,
Когда макеты чьих-то тел
По пустырям и переулкам
Сновали мимо спящих стен.

Казалось, кто-то звал кого-то
И сам же отклика не ждал,
Когда затянутый в ворота
Необозримого сползал.

Казалось, кто-то был услышан,
И долгожданен был ответ,
Но разговор угас, не вышел
И канул в сумеречный свет.

Минуты чередой нудной
Сплетались в липкие часы.
Ни солнца, ни дорожки лунной,
Ни ртутных шариков росы.

Я шел, рассматривая странный
Опалесцирующий мир,
Подобный ширме многорядной
В руках невидимых сефир,

Как будто был застигнут стоя
На рубеже грядущей тьмы
Невыразимой пустотою
На фоне внешней кутерьмы.

Как будто он утратил душу,
Громоздкий сохранив фасад,
Какой-то договор нарушив,
Став миром каменных оград.

И я не мог остановиться,
Хоть волен выбрать был маршрут.
Текли невидящие лица,
Был бледен воск холодных рук.

Дома сменялись пустырями,
Тропинки – мрамором дорог...
Тревожный шорох за дверями,
Гранитной арки разворот...

Туда неведомою силой
Влекло как в маленький Мальстрем,
Как будто помощи просило
Дитя под градом черных стрел.

Но взор увяз в теснине душевной,
И бесконечно длинный свод
Стал неожиданной ловушкой,
Безмерно вытянув проход.

Не жар, не холод – загустенье
Пространства сжатого в тоннель,
Отняв свободу ощущенья,
Сознание втягивало в щель.

Я брел – и странная двумерность
С бесперспективностью пути,
Где бесконечна лишь линейность,
Где нету неба и светил,

Гнала вперед сквозь тьму тоннеля.
И сатанинским торжеством
Нить запредельная звенела,
Сжимаясь в страха липкий ком.

Но вдруг, в какое-то мгновенье
Явили слабость силы тьмы,
Души коснулся пух сомненья
В несокрушимость их тюрьмы.

Ткань виталического тела,
Утратив форму и объем,
Вначале робко, неумело,
Затем безудержным ключом

Пронзило свод твердыни ада,
Чтоб вновь соткаться на свету
Вблизи заброшенного сада
На шатком, узеньком мосту.

Ничто вблизи не предвещало
Каких-то новых козней тьмы,
И все же чуточку смущало
Преобладание сурьмы

В оттенках неподвижной флоры
Средь расползания теней,
Где монотонные повторы
Тревожно гасли в пелене.

В три шага одолев дощечку,
Поднявшись на покатый склон,
Венчавший узенькую речку,
Я вдруг услышал тихий стон,

Звучащий из сурьмяной массы
Стогообразного куста
И были скорбны и неясны
Два слога жалобы: «устал...»

Я видел: что-то изменялось
В моем обличье. Ткань одежд,
Дымясь и тая, испарялась,
Как влага слез на стрелах вежд.

Я был охвачен наготою
И алым пламенем стыда...
Так лишь за смертною чертою,
Пред ликом Божьего суда

Возможно, вспыхивают души
Пред немотой небесных врат.
Когда оставлен и разрушен
Непрочный храм земных услад

И смыта ретушь лицемерья,
И вся мирская шелуха,
И обнажен для лицезренья
Весь неприкрытый срам греха.

Я вглядывался в темный остов,
Сухой, безлистый, мрачный куст.
Он был как вечность над погостом,

Как символ воплотивший грусть.

Он состоял из черных терний,
Объединенных вкруг колец,
И веял мукою безмерной
В клочки разорванных сердец.

Он звал в шипов своих объятья,
Чтоб на лоскутья разорвать
Ткань виталического платья,
Астрала целостность раззять,

Затем сживить для новой муки —
И так по кругу, сотни раз...
Но чьи-то ласковые руки
Прервали тягостный рассказ,

Вернув оставленному телу
Его покинутый витал...
Пространство тоненько звенело,
Вновь расщепленье... темный зал...

Меня влекло, как будто в сети
В почти невидимый провал.
Уже не шел, но плыл, и светел
Был контур рук, лица овал.

Вокруг – один лишь мрак звенящий,
И ощущение липких стен.
То зал, то узкий длинный ящик,
То ожиданье жутких сцен

Нечеловеческого действия.
И все – лишь ощупью, чутьем
Каким-то новым, словно место
Глаз занял цокольный разъем

Питанья чуткого радара,
Что знает – кто сокрыт и где.
Готовя силы для удара...
Но вскоре сумрак поредел,

Как осветляется стремнина
Реки. Когда осядет муть
И видишь лишь наполовину,
Покуда нечему блеснуть.

Я видел зеркало. Узорен
Был палисандровый багет.

Но зримым образам не вторил
Его скупой серебристый свет,

Сочащийся со дна инферно,
Не отражая ничего,
Лишь плоскость зыбью эфемерной
Трех расходящихся кругов

Манила в это зазеркалье —
И я противится не мог,
Нырнув в пульсации мельканье.
Как нож в дымящийся пирог,

Но угодил лишь в шлюз отвесный,
Бездонный лаз в глубины тьмы.
Аморфной тенью бессловесной
В едва намеченный размыв.

Я падал, как в ночи снежинка,
Не увлекаемый ничем,
Где нескончаемость кружила.
Не смея грезить о свече.

Не просто в бездну погруженье —
Я падал в темноту себя,
Теряя формы обрамленья,
Туманом ужаса клубясь,

Затем в какое-то мгновенье
Исчезли время и объем.
Все спрессовалось в ощущение.
Что я – стоячий водоем,

Нет, просто плоскости поверхность —
И в ней распластан мира миф...
Лишь обезличенная серость
И бездыханности разрыв.

Быть может, здесь дремала вечность.
Быть может – краткий зыбкий миг...
Вновь сердце замерцало свечкой
И тяжесть адовых вериг

С меня упала, словно небыль.
Увидев выступы в стене
Я быстро стал взбираться к небу,
Что голубело в вышине.

А вслед как будто дуновенье,

Летели вещи слова:
– Сюда сойдут жрецы безверья.
Покинь посмертья острова.

1993

Зов

Предчувствие

Как тяжело слова ложились,
Но в каждом звуке пела плоть,
И каждый штрих предметно-жилист,
Как сквозь контрастное стекло
Был виден. Разве в том лишь дело,
О чем? Не мне, не мне судить,
Ведь что-то главное звенело
И пела бездна позади.

Хватало ль силы разобраться
И углубиться – стыла кровь,
Когда в неведомое братство
Невыносимо тихий зов
Намеком таинства являлся
В неуловимость свечи.
В почти неслышном ритме вальса,
Котором тишина звучит,
Который... кажется не знаешь —
Им жив ли, он ли жив тобой,
Которым трепетна звезда лишь,
А утром – небо голубо,
И в странных бликах плавит солнце
Прозрачной птицы мыслевзрыв,
И все в природе остается,
И создается новый миф...

.....
А иногда он сна глубины
Значеньем сути осенял,
Кривлялся в танце Арлекина,
В устах бубенчика звеня
О том, что даже дичь больная
Лишь мудрым зрится до конца,
Как бы нечаянно вживляя
Рубины в исповедь глупца.
И смутный абрис цвел сквозь накипь
И облекаясь я ясный звук,
Лепил невиданные знаки
Прикосновеньем светорук.
Казалось: только шаг, усилие,
Все прояснится, оживет —
И то, что на плечах носили
И то, что прячет темный грот.

.....
Нет, не покой, я полон звуком
Затрепетавшей тишины,
То нарастающим и гулким,
То дуновением весны.
Как будто долгое молчанье
Глухие стены пустоты
Крушило с яростью отчаянья,
Страшась в безмерности остыть.
И, насладившись первым тоном
Дремавшим в таинстве глубин,
Тем, что вначале было – Словом,
Оно запело от любви.
Сперва струной, затем аккордом,
Затем хоралом мыслесфер,
Стремясь излить размывы в форму,
Придать бескрайнему размер.

Пусть вихрем кружит многоцветье,
Пусть сонмы призрачных стихий
Вдруг усомнившихся в бессмертье
Ткут мимолетного штрихи.
Пусть многоярусные арки
В каком-то цветозабытьи
То вознесутся гимном ярким,
То растворятся, загрузив.
Чтоб прорасти в кристаллы жизни,
Взойти космическим ростком,
Чтоб бился пульс, стучали ливни
И губы пахли молоком —
Да будет мир, большой и зыбкий,
Да будет тьма, да будет свет!
И вот невидимой улыбкой
Звучит беззвучно: «Stan Sie».

.....
Но утром, просыпаясь в муке
От невозможности понять
И вспомнить, видя те же руки,
Того же в зеркале меня,
Бессмысленный уют предметов,
Сковавший крепче кандалов,
Не находя вовне ответа,
Я грезил световым теплом.

Казалось: стынет смертный разум,
Мне тускло, бледно, вял и сер,
Как метроном, однообразен
Мир в узкой прорези портьер.
Я жаждал формы, проявления

Того, кем был, чем жил во сне,
Пытался прерванные звенья
Поймать на солнечной струне,
Хватался за щелчки намеков,
Что угасали в тот же миг,
Преображая мыслеоко
В неизреченный мыслекрик.

.....
Как внять слепому подсознанию,
Не озаренному творцом,
Игре без формы и названья
Гонцов с неявленным лицом?
Как охватить необозримость
В сверхмалом? Верой ли? Душой?
И все же свыше говорилось:
Мы все – лишь то, к чему пришел.
Пришел – и был разбужен светом
На миг лишь, чтобы устоять.
Ты сам накладываешь вето
На то, чем мир тебя объял.
Во сне к тебе являлся Логос —
И тщетно разум жаждет внять,
Узрев во тьме небесный лотос,
В момент кресала и кремня
Короткой, но ярчайшей встречи,
Где рана брызжет стоном искр,
Где сумрак долго, но не вечен,
И бок попутчика ребрист.

Хоть семя брошено – нескоро
Взойти цветку: в снегу земля,
Вначале совести укором
Его придется оживлять,
Вначале огненная сила
Являться исподволь должна:
Придет – и канет, как приснилась,
Чтоб утром солнечно-нежна
Была распаханная почва,
Покой до нового толчка —
Вновь возникающая точка
Ночного танца светлячка.
И не курсивом на скрижалях
И не явлением Христа,
Но в чем бы Сила ни нуждалась —
Лишь тем случится заблестать
Когда-нибудь, когда – узнаешь,
Ну а пока неясный зов,
Покуда сердцем не оттаешь,
Пребудет в храме вещей снов.

И не найти покоя все
И смысла в суматохе дней —
Ты выбран волей Высших Судий!

.....
А март, как в детстве плавил снег.

Земля укрывающая

Все это было столько раз,
Но в первый раз глаза круглы:
– Вы так считаете, «сейчас» —
Пустяк?
– Бегущие столбы.
– Сей звон...
– Но жизнь из пустяков...
– Сей шаг...
– Но путь из сих шагов,
Как част
Лишь сумеречный зов,
Лишь наст
Да цоканье подков.
– Все вздор!
А свет моей звезды?
– Путь скор,
Но сладки ли плоды?
Вкушай!
Не этим ли ты жил?
Ад – рай,
Что посередке? Штиль.
Ни «до», ни «после», лишь сейчас,
Сей миг – скользящая петля.
– А память?
– Пение нуля.
– А планы?
– Вечно впереди.
Блеск нам:
«Я цель твоя. Не спи» —
Блесна,
Железка да шипы...
Вдруг сник?
Что слава, что слова! —
Взгрустни
Как в детстве целовал!
Ты ослик!
– Ты-то кто?
– Седок,
Морковка, леска, вечный бег...
– Ты лжешь, мне имя – Человек...
– Я ложь – и правда, я ответ —
Вопрос
В единстве полюсов,
Луг рос
В околышке лесов,

Я – суть
Тебя, и я – не ты,
Я – путь,
И лотоса цветы...
Забудь.

.....

Не припомню, когда, откуда,
Жар ли кори, ветрянки ль бред —
Детской хвори фантом, причуда,
Полуяви молочный свет.

Мозг охвачен престранной грезой,
В ошущеньях купая плоть:
То уют непонятной позы —
Полусон, полумрак, тепло,
То блаженство шершавых досок,
Чуть смолистых, слегка сырых —
Гибкой белкой, серо-белесой
От опилок, в кусках коры
Проползаю от щели к щели.
В странной радости над собой
Ощущая не узость кельи —
Зонт защиты – древесный свод.
Вот опят декораций смена,
Ошущенье, что я – орех,
Тела хвост, черенок, антенна,
Купол нёба, зубов порез,
Позади – языка громада —
Средоточье подземных форм,
И из врат бредового ада,
Через тягостный коридор
Наползает шуршаньем ваты,
Подменяя тоску куста,
Тошнотворная шероховатость,
Перевернутый стон: «Устал»...

Странный, тягостный мир постели,
Полусонных химер Ковчег.
Затуманенные акварели
Под прикрытьем припухших век
В глубочайшую топь простуды
Устремили свои огни,
Зашифрованных чувств причуды
Ощувив, как расстрел зарниц.

Убежать, но куда? В осознанье
Мятой простыни, пестрых стен,
С ожиданьем картины ранней

В череде погребальных сцен?
Нет, забвением нечто иное
Ослабляло глазниц накал,
Исцеляющей пеленою
Прикрывало немой оскал
Злого духа болезни детской,
Отвлекая и уводя
То к размытости бессловесной,
То – в чеканную дробь дождя.

О болезни уходит память,
Но, к смутный позыв взлететь,
Остается перед глазами
Погружение в земную твердь.
То ли мой длиннорукий прашур.
Огнеборец глухих пещер,
Подсознания темный ящик
Продырявил, оставив щель
В убаюкавшую безопасность
Подземелья, в тепло и сушь,
Где лишь искр хороводы гасит
Черной пастью огромный уж.
Или к радости землеройки,
Ловко юркнувшей в узкую щель,
Я молитву шепчу: «Укройте,
Недра в теплом своем плаще.

Без движенья? О нет, вначале
Беспросветная сеть дождя.
Безнадежностью мутной залит.
Серым призраком день блуждал,
Даже мысль надоевшей влагой
Пропитал, словно ваты ком,
Поздней осени дав присягу
Вечной хляби блюсти закон.
С неуютом сырой канавы.
Где лишь плесени царство – цель,
Без надежды на святость права
Пляску света ловить в прицел
Глаз, смеженных в роем камина,
Рук, вкушающих ласку дня,
После танца грибного ливня.
Холодящую дрожь уняв
И тогда возникала сила:
Вместе с зовом в тепло глубин
Заполняло густым белилом
Ощущенье: «Любим! Любим!»
Верь! Праматери примет лоно.
Завернись же в литуую сушь

Плодородья планеты сонной,
Если в тягость осенний душ.
И, как полная жизнью сфера,
Без удушья и мрака мук
Я легко погружался в недра
Под таинственный светозвук.
Не убудет земная нежность —
Пожеланье усопшим пух —
Не разверзнутой бездны скрежет —
В тихом шелесте пены путь.
Словно только теперь я дома,
Словно сброшен тягчайший груз,
Словно твердь подо мной невесома
И ничто не стесняет грудь.
Пред бесчисленностью лабиринтов
Страх не было – дом есть дом,
В череде дороженных ликов
Я был странным чутьем вedom,
словно мамы забытый голос
Из младенческого забытья
Вдруг бесформенный вспомнил космос,
Нежа в зыбких своих сетях.
И на этот призыв извечный
Мы, сошедшие в мир теней,
Стаей дымных клубов беспечной
Проникаем в густую немь.
.....
Годы канули, дни, кто знает?
Нами ведал иной отсчет.
Я очнулся в огромном зале,
Сознавая себя свечой,
И сквозь тьму, в тишине глубокой
Прозвучал осознания гром:
«Ты вернулся к своим истокам
И отсюда начнешь подъем»

Вода к свету несущая

Где ты, где?
В студеной воде?
В горячей слезе?
В колючей лозе?
А, может, в грозе?
И где-то еще...
Увита плющом,
В усталости плеч,
В забытости встреч,
В ночном кутеже,
В крутом вираже,
И просто – в окне...
В смолистом бревне,
Что тлеет в печи,
И губ твоих след
Растает в ночи
И вот уж забыл...
А память молчит,
И нет ничего...
Лишь эхо: «Ушло...»
.....
Грусти чертог,
Райские ль кущи,

Вечен поток,
К свету несущий.
Щепочка-плот —
Веры ладейка —
Тьму рассечет
Огненной змейкой.
Знаешь обряд?
В ночь на Купалу
Рябь озарят
Свечкою талой
Сотни венков
Пущенных в воду, —
Пламенный зов
К юноше—году.
Мутным пятном
Лик Гималаев.
К Ганге ночной
Светлою стаей
Тихо плывут
Белые сари —
Видимый звук
Суросундари.
Прошелестят
Галькой прибрежной,
Светом в горстях,

Пеною нежной...
Долго огни
Желтой крупницей
Будут роднить
Строгие лица,
Чтобы излив
Жгучие ливни,
В небо скользить
Гладью чернильной,
Чтоб вновь и вновь
В дымке рассвета
Спеть про любовь
К канувшим в Лету.
Значит и мне
Тайной обряда,
Свечкой на дне,
Жаром лампы
Ведать пути
Токов подземных,
Чуть осветив
Мрачные стены.
Думал, базальт,
Камни немые
Вверх громоздят

Мощные выи?
И тишина
В шелесте плеска?
Или узнал
Вещие фрески?
Это не скал
Нагроможденья,
Видишь, стока
Надписи древней?
Словно дан знак:
В эти мгновенья
Ждут письма
Светопрочтенья.
Сколько веков
В полном молчанье
Тайным стихом
Стены звучали,
Чтобы свече —
Призрачной гостье —
Тихо прочесть
Звездных полотен
Исповедь тайн,
Тех, чье развитие
Предначертал
Вечный учитель.

Станут ясны
Клинья шумеров,
Текстов лесных
Пальмовый веер
Прошелестит
Мантрой санскрита,
Вязью иврит
Вычертит плиты,
Пали, фарси,
Петли толтеков
Врежут курсив.
Вечности веки
Чуть всколыхнут
Знания вежды,
Вспышка – и спрут
Мрака повержен.
.....
Промельк свечи,
Верность потока,
Знанья лучи,
Мудрости око.
Только б несли,
Только б светили,
Только бы сил

Видеть хватило
Текстов скупых
Сутры святы,
Только бы в них
Звуки не стыли,
Только б, забыв
Суетность цели
Знать, как столбы
Духов белели,
Запечатлев
Стык коридоров
В дышащий след
Светоопоры...
.....
Это ли сон
Если из беден
Перенесен
В сумрак безлюдья
Только затем
Лодкой лампадой,
Чтобы теплел
Знаков порядок,
Или рассказ,
Льющийся немо,
Сменит тоска

Вспомнивших небо?

.....

Словно сглотнув

Памяти горечь,

Кто-то плеснул

Дымную прорезь

В черную гладь

Пламенем воска

Из-за угла,

Резко и хлестко.

В небыль ушли

Вещие скалы,

В тьму-монолит,

В тело кристалла.

Свет сокрушив,

Лик обезличив,

Мрак завершит

Горький обычай.

Где ж письменна?

Скрылись в пучине,

Словно признав:

Нет и в помине

Мудрости дня

Светопреданий.

Значит, унять
Дальние дали
Ждущих сердец,
Разум уверить:
Мрак есмь – отец,
Виденье – ересь.
Значит, застыв
Глыбкой аморфной,
Залов пустых
Мнимую плотность
Тупо листать,
Даже не зная,
Дивно ль близка
Высь голубая,
Либо пути
Долгие годы
Будут нести
Черные воды.
Лишь поворот
Водокруженьем
Вскользь намекнет:
Мрак есмь движенье.
Верь, из глубин
Каждую осень
Тьмы господин

К небу выносит.
Что это? Блик?
Мнимая цветность?
Или возник
Контур багетный?
Зрим коридор,
Русло потока,
Донный ковер
В накипи блеклой.
Тающий миг
Стер ожиданье
Черный тупик?
Сини сиянье?
Переболев
Слабым свеченьем,
Взор потеплел
Новым значеньем.
Лунно светла,
Пальцы лаская,
Вширь растеклась
Зыбь золотая,
Чтобы поток,
Пяди не глубже,
В искры облек,

Мрамор уютюжа —
Полуовал
Зала-бассейна.
Мрачный провал
Сузился в тени
Дальних колонн —
Струй светоплеска.
Факельных крон
Отсвет нерезкий
Затрепетал,
Словно заката
Жидкий металл
В водном легато.
Дивная явь
Метаморфозы!
Дымка плеяд?
Детские грезы?
Прошелестев
Ясно и тонко,
Разум одел
Облик ребенка.
Теплым дождем,
Радость умножа,
Вил водоем
Струйное ложе,

Как пережат:

Девочки тело

В быстрых мазках

Пены белело.

Древний уют...

В ласковом лике

Осознаю:

Фивы... Египет...

Свежесть ручья,

Гимн возрожденья!

Память прочла

Новые звенья

Вечной цепи

В сне соответствий.

Судеб скрепив

Тайные ветви

1987 г

Зуньядар

*Мне Ева – русокошая жена
Но есть Лилит.*

К. Бальмонт

Вступление

Разбужено «люблю»,
Оласкано касанье.
В породу встреч вживлю
Прожилку узнаванья
Алмазную. В тех днях
Пронзительного утра,
Означенного в снах,
Как смысл в священных сутрах.
В «Несбыточном» о ней,
Весов двадцатилетья,
В подсветках на сосне,
В оттенках первоцветья.
Вся детская печаль
О девушке-невесте
Несла его печать,
Его незримый крестик,
Весь чувственный пожар
Ранимого подростка
С него перебежал,

Ему обязан ростом,
И нынешний канун
Духовных аттестаций
Несет его волну
Тантрических вибраций.
.....
Таинственный поток
Далеких воплощений,
Что суть мою увлек
На склоны изумлений,
Поток, несущий боль
Пяти тысячелетий,
Где те же мы с тобой —
Ни взрослые, ни дети.
Там странные глаза
Подстреленной орлицы
Пять тысяч лет назад
На лице древней жрицы
Увидел, как сейчас —
Твои, в оправе боли,
Где теплится свеча
Космической Иоле,
Связавший «здесь» и «там»
Невидимую нитью —

В ней сил твоих сезам,
В ней крыл твоих раскрытье,
В ней память о былом
Цепи реинкарнаций,
Той, кто была послом
Иных цивилизаций.
Пока звучал рассказ,
Овеянный забытым,
Я вспомнил, как ласкал,
В едином стоне слитым
С той жрицей, – пики гор,
Долину Дхотишвари
И свой потухший взор
Вслед колыханью сари.
Несвязан был сюжет,
Три ярких эпизода,
Но важен каждый жест,
Анданте, скерцо, кода.
В веках затерян год,
Эпоха безымянна,
Но цвет ее живет
В твоих виденьях странных.
Безвестны имена
В истории анналах —
И только ты больна

Истомой тел усталых.
Ни пламенный Тагор,
Ни светлый Калидаса
Не вили слов в узор,
Не их восславил Вьяса.
Ни сточки не найдешь
О них в святых Пуранах —
Но ты впитала дрожь
Той боли, той Нирваны,
Где ожил Зуньядар —
И в утреннем тумане
Забрезжила звезда
Влюбленных безымянных.
.....
Край Вед и Араньяк,
Святых писаний детство,
Где бродит черный як,
Где Шамбалы соседство,
Где снежный Химоват
В небесном обрамленьи
Лавиной оживал
Средь каменных коленей.
Там, в ожерелье кобр,
В спектральном переливе
В ашраме вечных гор

В Самадхи грезил Шива,
Где Парвати сто лет,
Став символом терпенья,
Ждала желанный свет
Его земного зренья.
Исток духовных сил,
Прибежище саньяси —
Кто эту прану пил,
Спокоен, чист и ясен.
О, Индия! Страна
Моих перворождений,
Как плоть твоя сильна,
Как яросток духа гений!
Цвет ауры твоей
Пронзительно сусальный
Из тех далеких дней
В моей шлее астральной.
Там время не сотрет
Пометку Хиндустани,
Давно забытый код
Йогических исканий.
И пусть в другом краю
Вкушаю грусть полыни —
В Иисусе узнаю

Лик Кришны темно-синий.

.....

Стремительный полет

В далекое былое,

Где пили Яд и Мед,

Где затерялись двое,

Но тянутся в «Сейчас»

Их хрупкие ладони,

Однажды дав причал

Нам, в память углубленным.

Весь непрерывный пульс,

Вся цепь перерожденья

Несла бесценный груз

Сквозьвременного зренья.

В блужданьях забытья,

Во сне ль, в тоске ль бессонной,

Был я – не только я —

Тот кшатрий, тот ученый,

Расстрелянный поэт.

Видений вереница

Была как лунный свет

В моей земной темнице.

По зыбкому лучу

В те редкие минуты

Я возносил свечу,

На миг срывая путы,
Оковы бытия —
И память воплощенья
В неведомом роясь
Лилась в канал прозренья.
Неяркие цвета
Сверхчувственных потоков
Являли Индостан,
Несли сквозь третье око
Оттенки смуглых лиц,
Отрывки ярких судеб —
И смоль густых ресниц,
И налитые груди.
Немало женских глаз
Сквозь пелену забвенья
Несли с собой рассказ
Земного ослепленья,
Мгновенных чувств к другим
С похмельем пробужденья,
Но твой прозрачный нимб
Сквозил сквозь воплощенья.
Небесная жена,
Тантрическая пара
Меняла имена,
Но метку Зуньядара

Была бессильна смыть
Безжалостная Лета,
Хоть монотонный быт
И застил правду Света.

.....

Пять тысяч долгих лет
Прошло с последней встречи —
Не изменился цвет
И так же не залечен.

.....

Пришелица с небес,
Взяв плоть земных земнее
Себе в противовес
Не уживалась с нею.
Две сути ты несла
Сквозь цепь перерождений —
Лик летнего тепла,
И желтый лист осенний
С непрочны черенком
Под серыми дождями,
Но с памятью о том,
Незримом сари Джняны.
Уйти к себе домой
Устало сбросив бремя?

Пылающей прямой

Пронзить судьбу и время?

Нет, ту и эту нить

Под небом Индостана

Сумела примерить

Служительница храма.

Полет

Туда, где вечно рдел
Цветок духовных миссий,
Покинув клетки тел,
В надматерьяльной выси,
Сатвическим лучом
Мужской и женской сути,
Не мысля ни о чем,
Как учит мудрость шрути,
Потоком чистых чувств,
Неизреченным словом,
Где поцелуй – вне уст,
Где свет всему основа,
Летели я и ты
На зов из сфер пространства
Адептов и святых
В космическое братство.
Над сном немых махин
Седого Химовата
То маяком манил,
То исчезал куда-то
Зов тех, чей лик – Любовь,
Чей дхоти – пламя Джняны,
Чье бытие вне снов,

Вне Майи, вне обмана.

На мой вопрос «Куда?»

Звучало нежной виной:

«В незримый Зуньядар —

Отец ждет встречи с сыном».

.....

Как сладко возлюбить

Весь мир в твоём потоке,

Не ждать, не помнить — жить

В всезрящем Божьем Оке.

Как сладко знать о чем

Сквозь дрему шепчут горы,

Беседовать с ручьем,

Увидеть в капле море,

Как сладко ощутить

Мир в сердце, лад вселенной,

И просто вместе быть

С единственной, нетленной.

Почувствовав — сюда,

Сместили луч полета...

Под нами Зуньядар

Как будто светосота,

Закрытый от людей

Невидимую чашей,

Спокойно ввысь глядел,
Свидетель встречи нашей.
Тела свои сгустив
В опалы на лиловом,
Как узанный мотив
Сгущает ткань былого
Сквозь царственные сны,
Световращеньем лунным,
Видением весны,
Пробежкой по струнам,
Спустились на настил
Земли обетованной
В обитель Светлых сил,
Куда лишь только званный
Попасть сумеет гость
Для таинств посвященья.
Пред нами хрупкий мост
Навис над тьмой ущелья.
На дальней стороне
Жилище саньясина
Неслышно пело мне:
«Здесь ждут тебя, как сына».
По клавишам моста
Прошелестев над бездной,
Как будто пролистав

Страницы книги звездной,
Как в вечное «Теперь»,
Откинув яка шкуру,
Что заменяла дверь,
Вошли в жилище гуру.
Циновка, Вед тома,
Лингам и шалограмма,
Да локонов зима
Хозяина ашрама
Предстали ярким сном,
Картинкою-знаменьем
Из детского «давно»,
Где шли года ученья.
Напоминал отца
Тот старец седовласый,
Лишь цвет его венца
Являл предтечу Вясы,
И вот аскета скит
Средь немоты колючей
Вдруг оживил Санскрит
Гармонией созвучий.
Слова не донеслись
Сквозь пять тысячелетий,
Лишь озарилась высь:

«ОМ шанти, Кришны дети».

Он говорил о том,

Что редкую удачу

Нам на пути в свой дом

Сам Брахма обозначил.

Что легче отыскать

Дорогу к Зуньярару,

Чем все опознать

Тантрическую пару,

Что ночь такой любви

В Божественном Согласье

Так может дух развить,

Как тридцать лет саньяси.

Но наш не пройден путь,

Мы слишком поспешили,

Не перестроив суть,

Взметнуться прямо к Шиве,

Что риск велик сгореть,

Соединившись дважды,

Познав златую клеть,

Изведав высшей жажды.

Не испытав землей

Два огненных звучанья

Опасно пред судьей

Вершить обряд венчанья

В космической Любви
Тантрической Нирваны,
Где нету половин,
Где вечно постоянны.
Сейчас нас ждет разрыв,
И лишь в эпоху Кали,
Стихии укрепив,
Идя путем ордалий
Через вехи лжесмертей,
Через вражьи сил порядки,
Вернемся к красоте
В неназванном Самадхи.
Преобразив все пять
Стихий на высших планах,
Друг друга отыскать
В других телах и странах
Нам обозначил дух,
Стоящий выше Майи...
.....
Бессильны скрыть испуг,
Мы трепетно внимали.

Ее память

Мой нежный господин,
Мой паж, бесценный мальчик!
Неужто из глубин
Веков, из тьмы галактик
Принес тебя Господь
В отчаянья минуту,
Когда устала плоть,
А дух вкушает смуту?
Лоб мужа-мудреца,
Светящиеся очи
Влюбленного юнца
С дыханьем теплой ночи —
О, помнишь ли меня,
Ту, в белоснежном сари,
Прикосновенья дня,
Ночь в травах Дхотишвари?
Ты снова пробудил
Мое живое пламя
Тех, прежних, полных сил,
Когда-то бывших нами,
Оставленных других.
А плечи узнавали
Покалыванья штрих

Песчинок, что застряли
Меж пальцами того
Поэта-дравидийца.
Как узнано его
Твой ток на венке бился
У самого виска.
О, вспомнишь ли, узнаешь
Ту, что была близка,
Кто на земле одна лишь?
Как из небытия
Колючий ветер утра
Вернул в земную явь,
Сдуй краткий сон, как пудру.
Врезались гор зубцы
В чернильный мрамор неба,
И только их венцы
Бледнели дымкой снега.
Рассвет едва желтел
Сквозь мрак пылью цветочной,
Трава от зноя тел
Была сухой, но сочной.
Он помнил, что должна
Вернуться в храм до солнца
Для службы – а она
Лишь знала ток, что бьется

В той жилке у виска
В стране ее объятий,
И алых губ рассказ
На лютне Сарасвати.
О, помнишь ли ту боль
Немыслимой утраты,
Взметнувшейся за той,
Чье сари сумрак спрятал,
Столбняк кистей и мышц,
Натянутых до звона,
В одном порыве лишь —
«Вернуть!», но с тяжким стоном
Тупой запрет – «Нельзя!» —
Лег гробовой плитою,
Ему и ей грозя
Печальной немотою
А в уходящей нет
Желаний, мыслей, веры,
И даже боли след
Не в ней, а где-то перед,
Нет завтра, нет вчера,
Нет гальки под ногами,
Все в шепоте «Пора!»
Ушло забытым самым.

В себе – и вся во всем
Служительница храма
Невянущим венком
С поющими цветами
Проносит сладкий стон
Любви неизлечимой,
Внесенной на престол
Единственным мужчиной.

Ее сон

Извилистой тропой
Средь каменистых кряжей —
То пряжею густой,
То белизной лебяжей
Мелькая среди скал,
Где он, запрет наруша,
Не раз ее искал,
Продать мечтая душу
За взгляд ее, за жест,
Походкою неслышной,
Так, словно тяжкий крест
Запрета снял Всевышний,
Как ходят лишь во сне,
Несла тоску в кувшине
К ручью, и сари снег
Не таял в дымке синей.
Тот странен был ручей,
Он просто падал с неба,
Как будто через щель
Прямым стеблем побега.
Тот странен был ландшафт —
В нем что-то обрывалось.
От тропки ни на шаг,

А за спиной вздымалась
Ввысь вечных скал гряда,
Скрыв доступ к Зуньядару.
А в сердце боль и даль
И пепел от пожара.
Пока вода лилась
В раскрытый зев сосуда,
Она в себя ушла,
В своих картин причуды,
В невидимую явь
Сверхчувственных явлений,
Как будто осознав —
Нет места на земле ей.
Час, год ли так прошел,
Она совсем забылась.
.....
Надежд почти лишен,
Не веря в Божью милость,
Влекомый лишь одним
Неясным ощущеньем,
Что будет нечто с ним,
Он выбрел из ущелья,
Узнав небесный куст
В своей застывшей Рати...

Чуть не лишаясь чувств,
Как в ночь ее объятий,
Не смея к ней припасть,
Боясь, что это призрак,
Он, к камню прислоняясь,
Не сознавал, что призван
Ее немой мольбой,
Летящей к высшей сфере —
К Нему, к себе домой,
Где каждому – по вере.

.....

Идя к ней как во сне,
Себя преодолевая,
То как стопой на снег,
То в жар углей ступая,
Справляясь с ног свинцом,
В желаниях раздвоен,
Склонившись, ей в лицо
Плеснул ручья водою.
В мгновение возвратясь,
Еще не сознавая
Меж тем и этим связь,
В явь зренье выпростая,
Отринула к скале,
Так, словно гром ударил.

От счастья глух и слеп,
К трепещущему сари
Он судорожно припал,
Обвив вьюном объятия...
Не сразу осознал,
Что нечто изменяться
В ней, в облике ее,
Как осень красит ветку,
Чуть тронув окоем,
Чуть изменив подсветку,
Вдруг стало. В этот миг,
Из сердца вырывая
Отчаяния крик,
Еще пока живая,
Прервав в смятенье мысль,
Все больше камня,
Она взметнула ввысь
Грудь, плечи, руки, шею!
Он силился обнять
(А нежность ускользала),
Вернуть! В дыханье! Вспять!
(А плоть отвердевала).
Вот ей он по плечо...
По пояс... по колено...

И бьет руки мечом
По камню ослеплено.
Проклятья в небеса
Летят остервенело —
Но спят ее глаза,
Скалою стало тело.
.....
Взор устремив в зенит,
Он так и не заметил,
Что не одни они,
Что рядом кто-то третий
Сквозь дымку проступил
Осадком в мелком сите.
Так, словно краску пил
Невидимый спаситель.
И вскоре, круг замкнув,
Три яснооких жрицы
Струили тишину
Сквозь грусть в спокойных лицах.
Три возраста в кольце
Несли, как эстафету,
Как бриллиант в ларце,
Дитя в купели света.
И старшая из них,
Подняв над головою

Младенца светлый лик,
Той, кто была скалою,
Вручила странный дар —
Беспомощность живую,
Освободив от чар
Ту, каменно немую.

Эпилог

И уж не та, а Ты
Брала дитя несмело,
Как первые цветы,
Вновь обретая тело.
«Что, что мне делать с ним?!» —
Тревогой сердце гложет,
И мысль: «Нести к своим,
Кто защитит, поможет.
О, только б удержать!»
А путь безмерно труден
И долог – через пять
Тысячелетий к людям
Сегодняшнего дня,
В их правду и тревогу,
Чтоб, судьбы их приняв,
Им облегчить дорогу.
С рук на руки дитя —
Плод Истины забытой,
Величье обрета,
Вручить, как перед битвой
Жена вручала меч
Могучему герою.
.....

Ты – память давних встреч

За временной чертою.

1983 г

Иола

*Среди миров в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...*

И. Анненский.

Вступление

В вас дремлет странная эпоха —
Десятки тысяч звездных лет,
Пульсар космического вздоха,
Беззвучных вихрей зыбкий свет.
В вас вечных судеб сочетанье
Со вспышкой переплетено
В невыразимое отчаянье —
Всех нас сковавшее звено.
Все время полупробужденной
Среди тоннелей забвения,
Утопленной и вознесенной
Плыть в лодке таинств бытия —
Таков удел. Но где начало,
С несчетностью нулей в числе?
Какою нотой в вас звучало
Созвучье ИО? Разум слеп, —
Каких оставленных причалов,
Каких невидимых миров
Вас волны лунные качали,

Как невесомое перо?
Все это помнили и знали.
Но как поведать, как связать
Явь вашей безнадежной дали,
Лишь вам открывшийся Сезам
И наших чувств земную скуку
В чаду бездушной суеты,
Как протянуть познания руку
Забывшим о словах святых?
Как выразить, в каких понятиях
Мечту о Свете Неземном,
Как объяснить заблудшим братьям,
Что в каждом в Истину окно?
Нет слов таких. Творенье Даля
Их до умов не донесло,
Они – в неведомых преданьях,
Парящих над добром и злом.

.....

Я узнавал тебя не сразу,
Ты проявлялась по слогам,
И тот, что с ИО в странной связи
Был заподозрен, – не солгал.
Я узнавал тебя не сразу,
По малой толике, по снам,

Я узнавал тебя по вязи
Невнятных – по пустякам.
Мучительно и обновлено
Сквозь розовые лепестки
О вспомненной и обретенной
Лилось на блеклые пески.
Как часто среди немой пустыни,
В туманной сфере тишины,
Ты сквозь парсеки вечной стыни
Спускалась к небесам земным!
Как часто кров второго дома
Вновь покидался для того,
Чтоб незаметно, невесомо
Вернуть на родину Огонь!
Ах, то была лишь только память,
То свойство явственных картин,
В сознание спрятанное пламя,
Способность всех живых светил.
Никто не узнавал пришельца,
Ведь ты молчала столько лет,
С тех пор, как крохотное сердце
Зажглось на суетной земле.
Ты проходила сквозь столетья —
Ни человек, ни божество,
Не зная о своем бессмертье,

Забыв высокое родство,
Целительницей или жрицей,
С одной лишь целью: «Возлюби!»
С загадкой на нездешних лицах
Иной, неведомой судьбы.
Какой же древности затею
На нежном девичьем челе
Вдруг неожиданно прозрея
Припоминал глядящий вслед?
Чудес мистическую накипь
Не позволял творить устав:
Неузнанной пройти должна ты,
С печатью Света на устах!
Так постоянно разделенной,
Раздвоенной, полуземной
Жила посланницей Зеленой
Пришелица из вещей снов.

Видение казни Христа

1

Твоих невидимых присутствий
Никем незримые следы
Запечатлелись в ясной грусти,
В холодном трепете звезды,
В незавершенности событий,
В редчайшем праве дописать
Былое, переставить литер,
Сменив прочтенье «е» на «ять».
Когда сегодня ты ныряешь
Под покрывало тайны лет,
В давно покинутую залежь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.